

© 2005 г. Н. А. О'ШЕЙ

ГАЛЛЬСКИЕ И ЛЕПОНТИЙСКИЕ ФОРМЫ ПРЕТЕРИТА – ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ И ВОПРОС ДИАЛЕКТНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ*

В данной статье рассматриваются галльские и лепонтийские формы претерита. Проведен детальный анализ исторической морфонологии и морфологии этого гетерогенного материала, высказаны несколько гипотез о происхождении отдельных морфем, и дана классификация форм в сравнении с древнеирландским материалом.

Задачей данной статьи является обзор исторической морфологии и фонологии галльских и лепонтийских форм прошедшего времени глагола.

В связи с тем, что галльский язык нам известен по надписям, большая часть которых представляет собой надгробные или посвятельные, очевидно, что количество глагольных форм, которыми располагают на данный момент ученые, сравнительно невелико. Имеющиеся же формы (помимо двух самых распространенных, о чем ниже) в основном происходят из более развернутых надписей, таких, как заклинательные тексты из Шамальер и Ларзака, надписи на чашах из Банассака и Ла Грофесенк и некоторых других; соответственно, большинство морфологических конструкций ученым приходится восстанавливать на основании единичных примеров. Однако, несмотря на ограниченность доступного нам галльского глагольного материала, его значение сложно переоценить.

Галльский является, можно сказать, первым по значимости источником наших знаний о континентальных кельтских языках. Начнем с того, что существует три алфавита, которые использовались носителями языка для его записи, и все три – заимствованные.

В Италии существует три больших надписи из Тоди [RIG E-5; Lambert 1994 : 74], Брионы [RIG E-1; Lambert 1994 : 72] и Верчелли [RIG E-2; Lambert 1994 : 76], в которых использован полусиллабический этрусский алфавит; его принято называть алфавитом Лугано, а сам корпус надписей – галло-этрускими. С другой стороны, ареал на юге Франции, в районе Марселя (Gallia Narbonensis) дал ученым более шестидесяти надписей, выполненных греческим алфавитом. И, наконец, территориально наиболее широко распространен более поздний по времени создания, чем два первых корпуса, корпус галло-латинских надписей; некоторые из них представляют собой смесь из галльских и латинских слов. В общей сложности временной интервал существования письменно засвидетельствованного галльского охватывает период с IV века до н. э. до IV века н.э.

В связи с галло-этрускими надписями необходимо подробнее остановиться на лепонтийском языке и его связи с галльским. Данный язык был выделен как самостоятель-

* Посвящаю это небольшое исследование памяти моего учителя и коллеги Виктора Павловича Калыгина. Виктор Павлович был первым, кто познакомил меня с галльским языком; его лекции по Введению в кельтскую филологию и Сравнительной грамматике кельтских языков, а также частные консультации для меня, студентки, были неоценимы. Позднее, уже как самостоятельный исследователь, я всегда была счастлива общаться и сотрудничать с Виктором Павловичем; он всегда умел взглянуть на проблемы лингвистического исследования с неожиданной стороны, предложить новую идею и с исключительным вниманием и пониманием относился к работе молодых ученых.

Данное исследование проводится при поддержке пост-докторального гранта Совета по Гуманитарным исследованиям правительства Ирландии (IRCHSS).

ный Ф. Леженом [Lejeune 1970; 1971] на базе ранних надписей (самая известная и древняя из которых – надпись из Престино), обнаруженных на севере Италии, в районе озер Лаго ди Комо и Лаго Маджоре. Основными фонологическими критериями выделения лепонтийского как отдельного языка считаются следующие особенности:

- ассимиляция *-nd- > -nn-*; леп. *-uinos* vs. галл. *vindo* – “белый”;
- развитие в определенных позициях слогового сонанта $\eta > en$ в отличие от галл. *an*; леп. *siTeś < Acc. Pl. *sēdḡs*;
- сохранение *m* в окончаниях: леп. Acc. Sg. *Pruīam, Palam, uīnom naśom* vs. галл. *loKan* [RIG E-5; Uhlich 1999 : 278–280]¹.

К этому необходимо добавить важный морфологический критерий сохранения индоевропейского окончания родительного падежа единственного числа *o*-основ **-osio* в лепонтийских формах *xosioiso, Plioiso* (с метатезой), в то время как в галльском, как и в островных кельтских языках, эта флексия была заменена на **-ī*: *Dannotali* etc.

В том же районе, как отмечалось выше, был распространен и цизальпинский галльский. Насколько я понимаю, именно это территориальное совпадение в первую очередь побудило Кима МакКона заключить в своих работах термин “лепонтийский” в кавычки и считать этот язык одним из ранних диалектов цизальпинского галльского [McCone 1996: 68–69]. С ним также склонен согласиться и Дж. Эска [Eska, Weiss 1996]. Авторы доказывают, что различия между лепонтийскими и цизальпинскими формами можно объяснить хронологической разницей. Так, флуктуации в написании *-ml/-n* в конце слова имеют место даже в позднем трансальпинском галльском, например *materem* (Ларзак); выводы о развитии слогового сонанта вообще базируются на единственной сомнительной форме и т.д.

С другой стороны, рассуждения, касающиеся окончания генитива **-oiso*, представляются своего рода “палкой о двух концах” – одинаково невозможно доказать, является расхождение только хронологическим или же генетическим. Являются ли лепонтийские надписи примером ранней фиксации цизальпинского галльского, или же мы в них имеем свидетельство языка, стоящего не на непосредственной генетической прямой по отношению к галльскому, а в какой-то момент ответвившегося от нее. Мне кажется предпочтительным второе объяснение, предполагающее консервацию определенного диалекта в определенной области в определенный момент времени. Это, как кажется, может соотноситься и с сохраняющимися в лепонтийском архаизмами типа генитива на **-oiso*, и с совместными с галльским инновациями в глагольной системе, о чем см. ниже.

Вместе с тем, ввиду очевидного близкого родства лепонтийского с галльскими диалектами, представляется неоправданным и досадным тот факт, что лепонтийским надписям не уделяется достаточного внимания в объемных работах по галльскому языку, таких как RIG и “La langue gauloise” [Lambert 1994]. Очевидно, что параллельные лексические и морфологические лепонтийские и галльские формы должны рассматриваться вместе, и в настоящей работе именно так и поступим.

Итак, непосредственным предметом исследования являются формы прошедшего времени, то есть претерита. Известно, что в кельтских языках, так же, как и в итальянских, произошло слияние индоевропейских категорий аориста и перфекта в общей категории претерита. Таким образом, среди кельтских претеритных форм, унаследованных от индоевропейского состояния, обнаруживаются формы, продолжающие перфект, сигматический аорист и даже – в нескольких случаях в древнеирландском – корневой аорист.

¹ Еще один замечательный факт лепонтийской фонологии, не имеющий прямого отношения к его идентификации как самостоятельного языка, но важный с точки зрения исторической фонологии кельтских языков вообще, – это существование рефлекса индоевропейского *r* в древнейшей надписи (Престино), в форме *uvatoKozis*. Это имя раскладывается как композит типа *bahuvrihi*: **hup-ḡo-g^host-is* “имеющий высоких гостей” [Eska 1998]. Графема алфавита Лугано, транслитерируемая латиницей как *V*, очевидно обозначает фонему *φ*, в которую ослабилось индоевропейское *r* в общекельтском, прежде чем окончательно исчезнуть.

Рассмотрим древнеирландский претерит как типичную для древних кельтских языков гетерогенную систему. Выделяется три класса образования претерита: *s*-претерит, *t*-претерит и бессуффиксальный претерит [GOI: 415ff; EIV: 51ff; McCone 1994: 162–171]. Формы *s*- и *t*-претерита этимологически восходят к индикативу индоевропейского сигматического аориста [Watkins 1962; McCone 1991].

Известно, что индикатив сигматического аориста был атематическим и отличался акростатической акцентуацией с продленной ступенью аблаута в сильной основе и нормальной огласовкой в слабой. В истории развития как *t*-претерита, так и *s*-претерита ведущую роль играют процессы ассимиляции и переразложения. Так, в диахроническом аспекте, в основе *s*-претерита лежат аористные формы от глагольных корней с исходом на ларингал, такие как **h₂énh₁-s-t* vs. **h₂énh₁-s-nt* от и.-е. корня **h₂en_h₁-* “дышать”. Фонологически оправданное развитие данной оппозиции в кельтском дает **inast* vs. **anasant*. Судя по рефлексу этого образования в древнеирландском, претериту 3 Sg. *anaís/-an* от глагола *anaid* “остается” и многим другим, в оппозиции генерализуется слабая основа, ср. [McCone 1994: 163]. Более того, весьма возможно, что с этой генерализацией сопряжена тематизация. Однако форму 3 Sg. внедрение тематического гласного не затрагивает, так как на ее момент кластер в конце формы претерпеваает ассимиляцию, что дает 3 Sg. **anass*, противопоставленное остальной тематизированной части парадигмы, ср. 2 Sg. **anas-esi*, 1 Pl. **anas-omosi* etc. Заметим здесь, что оппозиция первичных и вторичных флексий, различавшая презенс и аорист в индоевропейском, не имеет в этом качестве значения для кельтского, и поэтому мы можем восстанавливать исход *-i* для флексий абсолютных форм. Следующим шагом в развитии будущего *s*-претерита является осмысление формы 3 Sg. **anass* как формы с суффиксом *-ss-* и нулевым окончанием: **ana-ss-ø*. При том, что формант *-s-*, оказавшийся в остальных формах в интервокальной позиции, неминуемо подвергался лениции и, возможно, дальнейшему ослаблению до нуля, вполне естественно, что новый неленирующий суффикс распространился на всю парадигму и стал маркером *s*-претерита, ср. [Watkins 1962: 174–180]. Интересно, что в итоге весь набор окончаний *s*-претерита соответствует тематическому спряжению, кроме окончания 3 Sg., индуцировавшего всю перестройку, которое так и остается нулевым!

С другой стороны, к тому же прототипу, т.е. индикативу сигматического аориста, восходит *t*-претерит. Он, в отличие от продуктивного *s*-претерита, по модели которого образуют формы прошедшего времени все слабые глаголы, строго ограничен группой глаголов от корней с исходом на сонорные, кроме *n*, а также корней с исходом на *g/γ*. Для истории данного типа претерита решающее значение также имеет ассимиляция в форме 3 Sg. Так, например, оппозиция 3 Sg. Aor. **b^hér-s-t* vs. **b^hér-s-nt* от и.-е. корня **b^her-* “нести” логичным образом развивается в кельтском в **bír-s-t* > **birt* vs. **bersant*. Исходя из огласовки древнеирландского рефлекса, 3 Sg. Pret. *bert* от глагола *beirid* “несет”, мы можем заключить, что и здесь была генерализована огласовка слабой основы².

Морфологически темная форма 3 Sg., подобно выше рассмотренной **anass* осмысляется как форма с суффиксом *-t-*, который становится новым маркером претерита и нулевым окончанием: **bír-t-ø*. В формах множественного числа типа 3 Pl. *-bertatar* рассматриваемый тип претерита вводит новые окончания, заимствованные у системы перфекта.

Таким образом, на синхронном древнеирландском уровне основным, хотя не абсолютно надежным критерием того, почему некий глагол образует тот или иной претерит, служит исход глагольного корня; так, *t*-претерит характерен для глаголов с исходом корня на сонорные, кроме *n*, например *bert*, *melt*, *ét*, и *g/γ*, например *acht*, *ort*; *s*-прете-

² К. МакКон, однако, считает возможным возводить др.-ирл. *bert* непосредственно к праформе с сильной основой **b^hér-s-t*, постулируя сокращение долгого гласного по Остгоффу перед группой “сонорный + шумный” и последующее расширение этого гласного [McCone 1991: 67]. Мы, однако, не видим причин для подобного усложнения схемы эволюции *t*-претерита, если гипотеза о генерализации слабой основы вполне отвечает требованиям фонологических законов.

рит характерен для корней с исходом на гласный, например *anaís*. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет о фонетическом облике корня на общекельтском уровне, т.е. после проявления ларингалов в *set*-корнях; так, глаголы с назальным презенсом типа *marnaid* “предаст” < **merh*₂-, теряя в кельтском ареале исконный корневой аорист, заменяют его *T*-претеритом по образу и подобию глаголов от *aníċ*-корней: и.-е. **b^her* > о.-к. **ber-* (Pres. др.-ирл. *beirid* “несет”); Pret. и.-е. **b^her-s-t* > о.-к. **ber-s-t* > др.-ирл. *bert* = и.-е. **merh*₂- > о.-к. **mer-* (Pres. др.-ирл. *marnaid*); Pret. и.-е. **merh*₂-t > о.-к. **mera-t* ~ о.-к. **mer-s-t* > др.-ирл. *mert* [McCone 1994: 165].

Бессуффиксальный претерит, в основном характерный для глагольных корней с исходом на смычные и *n* [GOI: 424ff; EIV: 51], имеет в своей основе индоевропейский перфект, за исключением трех супплетивных форм, предположительно восходящих к корневому аористу (*boí* “был” < **b^huH-t*, *luid* “ушел” < **h₁leud^h-t*, (*do*)-*cer* “пал” < **kerh₁-t* [McCone 1991: 125]). Указанные формы относятся к третьему типу претерита, как видно, исключительно по формальному признаку отсутствия суффиксального маркера, но они разительно отличаются от остальных форм бессуффиксального претерита по другим признакам. Так, подавляющее большинство этих форм сохраняет редупликацию, унаследованную от индоевропейского редулицированного перфекта [McCone 1994: 167], например *geguin* “убил” < **g^{uh}e-g^{uh}ón-e*. В ряде случаев, однако, в силу фонетических или фоморфологических причин, редупликация оказывается затемнена или искажена.

Основным принципом унификации парадигм перфекта является генерализация сильной основы; так, результатом эволюции и.-е. парадигмы **g^{uh}e-g^{uh}ón-e* vs. **g^{uh}e-g^{uh}n-ér* в древнеирландском является претерит глагола *gonaid* 3 Sg. *geguin*, 3 Pl. *gegnatar*, причем отсутствие корневого гласного в последней форме является всего лишь результатом ирландской синкопы VI века, а не продолжением индоевропейской нулевой ступени.

Необходимо отметить специфический подтип *s*-претерита, характерный только для глаголов с зиянием – редулицирующий *s*-претерит. Этот удивительный гибрид существует только в древнеирландском. Дело в том, что при образовании, скажем, перфекта от и.-е. корня **g^ueh₂-* “уходить”, присутствующего в древнеирландском глаголе *baíd* < **ba-e-ti* “умирает”, унаследованная форма **bebū* < **g^ue-g^uoh₂-e* заменяется на **beba-e* с вычленимым перфектным суффиксом по причинам, которые будут подробно рассмотрены ниже. В свою очередь, на гойдельском уровне получающаяся форма *bebae* со своим вокальным исходом приравнивается к конъюнктным формам *s*-претерита от слабых глаголов с зиянием, ср. *-soí* < *soċ-ess* от глагола *soíd* < **soċ-e-ti* “поворачивается”. В итоге в языке появляется новая абсолютная форма, маркированная не только редупликацией, но и сигматическим суффиксом – *bebais*, см. [McCone 1994: 170].

Хотя набор имеющихся галльских и лепонтийских форм в несколько раз меньше внушительного древнеирландского материала, их тоже несложно разделить на соответствующие типы. Забегая вперед, отметим, что, при формальной и принципиальной схожести, наша классификация континентальных форм будет отличаться от древнеирландской в практическом плане.

Рассмотрим первыми две формы, встречающиеся наиболее часто в силу своей семантики и, как ни странно, иллюстрирующие один и тот же тип образования претерита – а именно редулицирующий, то есть восходящий к перфекту.

Леп. 3 Sg. TETU (Престино) [Lejeune 1971: 96–111].

Галл. 3 Sg. δεδε [RIG G–27, G–28, G–203, G–206].

Не возникает больших сомнений, что эти формы со столь очевидной редупликацией восходят к индоевропейскому перфекту. Также очевидно, что лепонтийская форма должна быть транскрибирована с алфавита Лугано как [dedu].

Существует два корня, к которым могут восходить кельтские формы – это либо **deh₃-* “давать” [LIV: 89–90], либо **d^heh₁-* “помещать; делать” [LIV: 117–119]. Хотя авторы LIV поместили кельтские формы в статью о первом корне, реконструкция сильной основы индоевропейского перфекта и его предполагаемого развития показывает, что результат в любом случае получается один и тот же, и поэтому, наверное, мы никогда

не узнаем, какой именно из двух корней лежит в основе наших форм: 3 Sg. Perf. $*d^h e-d^h \acute{o}h_1-e > *d^h e d^h \acute{o}(e) >$ о.-кельт. $*ded\ddot{u}$; 3 Sg. Perf. $*de-d\acute{o}h_3-e > *ded\acute{o}(e) >$ о.-кельт. $*ded\ddot{u}$.

Таким образом, очевидно, что зафиксированная в лепонтийском форма с исходом на $\ddot{u}$, отражающим в кельтском индоевропейское $\acute{o}$, является рефлексом индоевропейской сильной основы. В данном случае мы имеем дело с формой третьего лица, однако и в первом лице единственного числа можно реконструировать ту же форму: $*d^{(h)}ed^{(h)}\acute{o}-a > *ded\ddot{u}$. Что же касается слабой основы, для первого и второго лица восстанавливаем основу $*deda-$, а форма третьего лица должна была развиваться так: $*d^{(h)}e-d^{(h)}H-\acute{r} > *dedar$ с кельтским прояснением слогового сонорного в ar , ларингал перед которым вообще не оставил по себе следа [Schumacher 2004: 73]; ср. [Kümmel 2000: 56].

Правила эволюции перфектов в кельтских языках таковы, что при появлении долгого гласного в открытом слоге в конце сильной основы он отпадает и таким образом в парадигме генерализуется слабая основа. Так, в древнеирландском для глагола *crenaid* “покупает” характерен претерит *cúir* $< *k\acute{e}r < *ke\chi re \sim *kekr\acute{o} < *k^{\acute{e}}e-k^{\acute{r}}\acute{o}i h_2-e$ [McCone 1994: 167], глаголу *benaid* “бьет” соответствует претерит *bí* $< *biue \sim *bi\beta\acute{o} < *b^{\acute{h}}i-h^{\acute{h}}\acute{o}i H-e$ [McCone 1991: 125], а глагол *lenaid* “прижимается” образует форму *lil* $< *lile \sim *lil\acute{o} < *h_2li-h_2l\acute{o}i h_2-e$. То же самое происходит и с галльским глаголом: при переразложении формы третьего лица множественного числа возникает основа $*de-d-$, оснащенная перфектным окончанием $*-ar$, что в итоге и приводит к появлению инновационной формы третьего лица единственного числа – $*de-d-e$ с “регулярным” окончанием $*-e$. Соответствующий процесс мы наблюдаем и в претеритах от глаголов с зиянием в древнеирландском, упомянутых выше, но те оснащаются еще и дополнительным сигматическим маркером.

В свете вышеизложенного лепонтийская форма выглядит замечательным архаизмом, и представляется весьма значимой с точки зрения относительной хронологии. Если процесс унификации глагольных парадигм затронул все кельтские языки более или менее одновременно (что кажется вероятным, ввиду идентичности этого механизма в континентальных и островных языках), то мы можем датировать хотя бы данный аспект эволюции перфектных парадигм как происшедший не раньше первой половины V века – именно этим временем принято датировать надпись из Престино. Вероятность того, что лепонтийский язык избрал иной путь развития, ничтожно мала, поскольку речь идет о фундаментальном принципе становления структуры кельтского глагола. Вероятность того, что лепонтийский законсервировал оппозицию сильной и слабой основ в то время как соседний с ним галльский двигался дальше по эволюционной шкале, также мала ввиду неизбежного давления системы³.

Следующая форма является характерной для галльских посвяtitельных надписей.

Галл. 3 Sg. *ieuru* [RIG L-3 <ieuru> L-4, L-7, L-10, L-11, L-13, L-133], *ieuru* [RIG L-9] εἰουρου [RIG G-153], 3 Pl. *iourus* [RIG L-12]. Вдобавок к этим, в принципе достаточно однотипным, формам еще имеется *ieuri* в надписи из Лезу [RIG L-67; Lejeune 1994] и соответствующая ей εἰουροι во фрагментарной надписи из Нима [RIG G-285?; Lejeune 1994]. Ср. также *tiouiuori* (Банассак) [Lambert 1994: 63].

Семантика данных форм вполне ясна – “дал, посвятил, преподнес”; морфология же их долгое время оставалась известной проблемой и вызывала споры ученых; см. [Meid 1994: 22; Lambert 1994: 103–105; Schmidt 1986: 175–176]. Очевидно, что данная форма является исконно редулицирующей; затемнение редуликации, сопровождаемое появлением нехарактерных для кельтских языков би- и трифонемных сочетаний можно объяснить только как результат выпадения какого-то элемента – наиболее подходящим кан-

³ Необходимо упомянуть галльскую форму *TozoKoTe* из надписи из Верцелли, толкуемую как “дал” и членимую как $*to-so-kom-de$, где *de* является на самом деле редулицирующей формой *dede*, сократившейся под давлением предшествующих превербов [Eska 1990a: 4–5]. Что касается морфемы *so*, это, скорее всего, инфигированное местоимение, что в итоге дает общее значение глагольного комплекса “то, что дал”.

дидатом на эту роль, конечно, является индоевропейское *p*, а корнем, к которому можно привести галльские формы – и.-е. **perh₃-* “вручать”.

Действительно, в древнеирландском мы имеем восходящий к этому корню глагол *ernaid* “дает” с претеритом *ír*, которая является прямым продолжением и.-е. **pe-pórh₃-e* [LIV: 427]. В данном случае правило искажения редупликации действует достаточно оригинальным образом; по причине падения и.-е. *p* в кельтском ареале развитие этого претерита должно выглядеть так: и.-е. **pe-pórh₃-e* > **e-or-e* > **ēr-e* > **īre* > *ír*. Генерализована сильная основа с затемненной редупликацией, в то время как развитие слабой основы **pe-prh₃-* > **ebrā-* дает форму, сохраняющую след редупликации, но не жизнеспособную⁴.

Что касается различных вариантов вокализма рассматриваемых форм, то наиболее приемлемое объяснение их состоит в диалектном различии.

В южных диалектах индоевропейская праформа развивалась без помех: таким образом, и.-е. **pe-pórh₃-e* дает о.-к. **φe-φore*, что, после полного падения *φ* дает форму с хиатусом **e-ore*; гласный *e* в позиции зияния сужается, что и приводит нас к засвидетельствованному варианту *εior-* [*i-or-*].

С одной стороны, для более северных диалектов восстанавливается преверб **epi-/pi-*; развитие глагольного комплекса в кельтском дает **φi-φe-φore* и в дальнейшем трехфонемный хиатус в основе **i-e-or-*. Упрощение этой фонетически нехарактерной для кельтских языков конструкции дает нам [*ieur-*]; с другой стороны, полученный таким образом дифтонг *-eu-* оказывается также несоответствующим окружающему его языковому материалу, поскольку, как известно, индоевропейский дифтонг *eu* в кельтских языках переходил в *oi*, поэтому и в данном случае под давлением системы происходит подобный переход, что объясняет появления написания *iourus* [Schumacher 2004: 738–740].

Загадочный исход всех этих форм на *-i* является основной проблемой их анализа. Большинство исследователей предлагает интерпретировать его как перфектный показатель, развивающийся из сегмента корня в других индоевропейских языках – имеются в виду такие примеры, как вед. *jajñáu*, *dadháu* и лат. *gnōi*, *plēui* [Watkins 1969: 53; Schmidt 1986: 176; Lejeune 1994].

Однако если в латинском и санскрите расширитель корня появляется после гласных в качестве своего рода слогозакрывающего сегмента, и в обеих языковых семьях можно найти индуцирующие основы, от которых формант получил дальнейшее распространение, то в кельтском материале *-i* выглядит как окончание, присоединенное к основе вместо унаследованного *-e*. Более того, основная тенденция к оформлению перфекта, которую мы видели на примере *δεδε* – это, напротив, замена нечленимого долгого гласного на перфектный показатель *-e*. К сожалению, в нашем распоряжении есть только два примера галльских редуплицирующих конструкций такого плана, и на их основе чрезвычайно сложно делать выводы. Рискнем выдвинуть соображение, что, возможно, загадочное окончание *ieuri* вызвано причинами чисто фонетического плана, а проще говоря – перегласовкой, вызванной ударным дифтонгом на *-i* в предыдущем слоге. Это может объяснить галло-греческий вариант *εiorai*, в основе которого не было данного дифтонга, а, соответственно, не было и предпосылки к перегласовке. В свою очередь, окончание в форме *ieuri* вообще кажется латинизмом. Другое возможное объяснение существования окончаний *-i* и *-i* см. ниже.

Нужно отметить, что окончание третьего лица множественного числа галльского глагола является большой инновацией по сравнению с индоевропейским наследием, например, в древнеирландском. В форме *iourus* мы видим, что глагол присоединяет к форме единственного числа формант *-s*, см. [de Hoz 1995].

⁴ И.-е. *p* в позиции перед плавным дает *b*, которое впоследствии ленирует в *β*; ср. именно такое развитие редупликации в форме футурума от того же глагола *ernaid*: *chraid* < **pi-prh₃-se-ti* (и.-е. дезидератив).

Следующим пунктом нашего исследования будет группа глагольных форм, которые объединяет определенная морфологическая черта, а именно дентальный формант, стоящий перед флексией. Эти формы, в силу напрашивающейся параллели с известным феноменом в германских языках, принято называть слабыми дентальными претеритами. Основные примеры:

Галл. 3 Sg. *KarniTu* [RIG E-5],

3 Sg. *καρνιτου* [RIG G-151],

3 Pl. *KarniTus* [RIG E-1];

Леп. 3 Sg. *KariTe* (Верджате) [Lejeune 1970: 446–449; 1971: 90–93],

3 Sg. *KaliTe* (Верджате).

На ранней стадии развития кельтологии, когда еще не был известен генезис древнеирландского *t*-претерита, естественны были попытки связать континентальные кельтские с островными [D'Arbois de Jubainville 1903: 123–124]. Исследователь предполагал, что исход *-u* галльских форм является продолжением индоевропейского окончания 1 л. ед. числа **-oh₂* > **-ō*, подобно тому, что мы наблюдали в случае *TeTu* etc. Однако при расшифровке надписей эти формы были идентифицированы как формы третьего лица, и, более того, в 1962 году К. Уоткинсом [Watkins 1962] было доказано, что островной кельтский *t*-претерит возникает только в глаголах с исходом основы на сонорный или *x/y* и является, как уже упоминалось, продолжением индоевропейского сигматического аориста. В самом деле, если бы в основе наших форм лежал сигматический аорист, то развитие комбинации *-s-t-* после гласного дало бы *-ss-*, к чему мы вернемся немного ниже.

Другая версия происхождения галло-лепонтийский слабых претеритов предполагала наличие в них индоевропейского показателя медиопассива **-to* [Meid 1963: 81]. Однако это объяснение не выдерживает критики по меньшей мере по двум причинам: во-первых, в кельтских языках не существует перехода краткого *o* в краткое *u* (в отличие от соответствующих долгих гласных в ауслауте), и скорее можно было бы ожидать окончания *-a*; во-вторых, в любом случае лепонтийские формы с исходом на *-e* в эту гипотезу не укладываются вовсе.

М. Лежен выдвинул гипотезу о действительной связи кельтской конструкции с германским дентальным претеритом [Lejeune 1970: 452; 1971: 96]. Но германский звонкий дентальный суффикс происходит, как известно, от корня **d^heh₁-*, о чем см., например [Lühr 1984: 46–49]. В случае же кельтских форм дентальный явно глухой, и таким образом эта заманчивая идея также оказывается нежизнеспособной.

Наконец, К.Х. Шмидт ([Schmidt 1986: 177–178]; ср. [Eska 1990b]) предложил рассматривать данные формы не как унаследованные, а как собственно кельтскую инновацию. При сравнении лепонтийского *-Te* с галльским *-Ti* кажется очевидным разложение их на дентальный формант и окончание, различающееся в языках (диалектах). Далее, лепонтийское окончание *-e* легко толкуется как показатель третьего лица единственного числа перфекта, которое, как мы знаем, сохраняется в кельтских языках.

Сравнительный анализ лепонтийских и галльских претеритов – как бы ни скуден был материал – показывает, что лепонтийский выдерживает четкую тенденцию использовать флексию *-e* для слабого претерита и сохранять унаследованное *-u* в сильных перфектах от корней с вокальным исходом (ср. выше). В галльском, напротив, мы наблюдали инновационное внедрение регулярного *-e* в морфологически ясную форму *deðe*, но сохранение *-u* в очевидно более темной *ieuri*. Учитывая то, что дентальный претерит является специфическим галло-лепонтийским образованием, может ли быть так, что его окончание – каков бы ни был его генез – повлиял на оформления окончания *ieuri*?

Возвращаясь к вопросу о самостоятельном статусе лепонтийского языка, отметим, что наличие сравнительно большого числа сходных форм дентального претерита в галло-лепонтийском ареале является одним из аргументов, на основании которых К. МакКон утверждает, что лепонтийский нужно рассматривать как один из цизальпийских диалектов [McCone 1996: 69]. По мнению МакКона, дентальный претерит может принимать как окончание *-e*, так и окончание *-u* (которое он считает производным от

перфектов от корней *ultimae laryngalis* типа *TeTu*) и распределение этих окончаний не может быть критерием выделения языка. Однако, как было замечено выше, подобное происхождение данной флексии маловероятно, и распределение все же имеет место. Таким образом, если лепонтийский и цизальпинский галльский и не являются по сути одним и тем же языком, то появление в их структуре одной морфологической структуры с небольшим различием в маркировке можно легко объяснить совместной инновацией – которая, заметим, также предполагает близкое родство рассматриваемых языков и совместное проживание племен – носителей этих языков. Более того, можно предположить и собственно лепонтийскую инновацию с последующим заимствованием в галльский.

Продолжая анализ рассматриваемых форм, К.Х. Шмидт пришел к выводу, что суффикс *-i-*, предшествующий дентальному, является либо слабым презентным суффиксом **-éiēlo-> *-i-* в случае *KarniTu*, либо также презентным суффиксом **-jéló-> *-i-* в *KariTe*, *KaliTe*. Комбинация основы презенса и флексий прошедшего времени дает нам имперфект. Заметим, что в результате утраты кельтским глаголом оппозиции первичных и вторичных флексий из-за ранней апокопы *-i* в определенных позициях, см. [McScone 1994: 140–141], унаследованный имперфект, оснащенный вторичными окончаниями, перестал отличаться от презенса. Именно с этим связан, как полагает Шмидт, наблюдаемый нами процесс фиксации имперфекта путем присоединения к презентной основе имеющихся претеритальных окончаний; то есть, как это часто бывает в кельтской морфологии, индоевропейский принцип сохраняется, но приводится в жизнь новыми, доступными на данном этапе средствами. Ту же картину, казалось бы, можно видеть в древнеирландском, где имперфект получил совершенно новый набор гетерогенных флексий, некоторые из которых, возможно, восходят к медиопассивным.

В рассуждениях Шмидта, однако, усматривается, на наш взгляд, существенный недостаток, состоящий собственно в допущении семантического перехода имперфекта в область претерита, то есть “епархию” древних аористных и перфектных форм. При том, что имперфект в кельтских языках творится, как мы видели, заново и представляет собой в известной степени вторичное, но самостоятельное видо-временное образование по отношению к категории претерита, такой переход не представляется логичным.

В связи с этим важна форма *logito* из Нери-ле-Бэн [RIG L–6], которая является единственным галльским рефлексом того типа имперфекта, который развился в островных кельтских языках: **log^h-eie-to* “клал” от основы каузатива (ср. галл. *legasit* от того же корня ниже). Образование с медиальным суффиксом *-to* можно видеть в др.-ирл. *-bered* “нес” < **b^hereto*, ср.-вал. *gwedyat* “знал” [GOI: 372; Schmidt 1986: 178–179]. Мы не знаем, было ли значение данной формы строго имперфектным, поскольку надпись довольно темна по смыслу, но сам факт того, что такой тип образования имперфекта существует, наводит на мысль, что и сама категория существовала и имела именно этот способ выражения.

Еще один замечательный факт, касающийся галльского дентального претерита, – это то, что, по всей видимости, флексия *-u* распространилась на всю парадигму, что доказывает форма 3 Pl. *KarniTus*. Как и в случае с выше рассмотренным *iourus*, галльский обнаруживает весьма прогрессивный способ образования множественного числа – путем простого присоединения к фоме единственного недвусмысленного форманта *-s*.

Все вышесказанное заставляет думать, что, возможно, природу загадочного окончания *-u* стоит искать вообще не в области глагольных формантов. Нельзя ли толковать *-u* как деиктическую частицу со значением дистанции? В отношении глагола это будет, конечно, временная дистанция, и частица будет определять отдаленное действие; с другой стороны, спорадически появляющееся *-i*, как в *ieuri*, может также быть частицей – в этом случае означающей, наоборот, временную близость, недавнее прошлое.

С точки зрения морфосинтаксиса позиция частицы в ауслауте глагольной формы кажется безупречной. При оформлении в кельтских языках порядка слов “глагол–субъект–объект” вступает в силу закон Вакернагеля, и все клитики оказываются в позиции энклитик. То, что это происходило уж в галльском, доказывает известная форма *dugion-*

ti-íó “которые прославляют” с относительной частицей из надписи из Ализ. То, что окончание *-и* можно видеть по всей парадигме галльского претерита, подтверждает догадку о том, что это на самом деле не окончание, а частица, конечно же, не обладающая никакими показателями лица или числа, как это положено окончаниям.

Таким образом, нами выдвигается гипотеза, что в галльском и лепонтийском существовало окончание претерита *-e*, унаследованное от индоевропейского претерита; при оснащении глагольной формы той или иной деиктической частицей это окончание падало, оставляя ее на своем месте. С развитием языка одна из частиц, а именно *-и*, обозначающая отдаленное завершённое действие, могла закрепиться в галльском как полноценное окончание для слабых форм претерита.

Не вызывает больших сомнений, что формы типа *KarniTu* относятся к слабой глагольной основе, предположительно с итеративной семантикой, непосредственно связанной с именным корнем **karn-*, наблюдаемом в др.-ирл. *cairn* “надгробный, памятный камень”; то есть значение галльского глагола определяется как “воздвигает карн”. К.Х. Шмидт и Дж. Эска [Schmidt 1986: 177–178; Eska 1990: 86–87] предлагают следующие этимологические решения для лепонтийских форм: *KariTe* может рассматриваться как рефлекс корня **ġ^her-* “держат, укрепляют”, ср. вед. *hárati* “берет” [LIV: 157]. Если так, то очевидно, что в кельтском рефлексе мы имеем нулевую ступень корня; восстанавливая развитие от атематической основы, получаем следующее: 3 Sg. **ġ^her-ti* vs. 3 Pl.

**ġ^her-énti* > **gerti* vs. **garenti* ~ **garti* (по правилу выравнивания аблаута в презентных основах генерализуется слабая ступень [Watkins 1962; McCone 1991]); далее предполагаем тематизацию с помощью суффикса **-iéló-*, что дает нам искомую основу *gari-*, к которой и присоединяется дентальный суффикс претерита и флексия.

Форма *KaliTe*, скорее всего, сходным образом восходит к и.-е. корню **kel-* “окружать, скрывать”.

Помимо вышерассмотренных форм, к числу дентальных претеритов в галльском можно отнести еще несколько менее ясных форм. Так, имеется плохо поддающееся интерпретации ковртов из надписи из Ализ [RIG G–257]. Далее, на свинцовой табличке из Лезу (которую наряду с памятниками из Шамальер и Ларзака принято относить к корпусу “магических” текстов) были обнаружены целых два интересных примера рассматриваемой конструкции [Fleuriot 1986: 66–68; Eska 1990b: 85–86; Lambert 1994: 173].

Во-первых, это форма *rincitu(s)*, которая, помимо того, что содержит знакомый нам дентальный формант и соответствующее окончание-частицу, этимологически выглядит очень похожей на др.-ирл. *ro-icc* “достигает”, вал. *rhynghi* и прочие рефлексы этой основы в кельтских языках. Речь идет об основе, ведущей свое начало от индоевропейского редуцирующего презенса **h₂i- h₂nék-* vs. **h₂i-h₂ñk-* [LIV: 252]: **h₂i- h₂nék-ti* vs. **h₂i-h₂ñk-énti* > **ineχ-ti* vs. **īnk-enti* > **ink-e-ti* vs. **ink-o-nti* > др.-ирл. 3 Sg. *-icc*, 3 Pl. *-ecat*. В ходе тематизации генерализуется слабая основа, причем для этого не требуется выравнивания аблаута, так как “корневой” вокализм на кельтском уровне в обеих основах оказывается одинаков.

Как и в случае *KariTe*, *KaliTe*, тематизация в галльском оснащает глагольную основу йот-презентным суффиксом: **ink-ié-*; так же, как и островные формы, галльский глагол имеет претерб *ro-*.

В той же надписи имеется даже более интересная форма – *gabxsitu*. Графема *xs* в галльском обычно обозначает *s*, ср. *Dexsiva* – *Dessobriga*, *Buxsus* – *Bussus* etc. Как же истолковать основу **gabs-*, предшествующую показателю слабого претерита в этом случае? Достаточно очевидно, что мы имеем дело с кельтским корнем **gab-* “держат, хватают” (каков бы ни был его индоевропейский прототип!), представленный в древнеирландском глаголе *gaibid*. В свою очередь, для *-s-* в этой позиции напрашивается сравнение с древнеирландским *s*-претеритом.

В самом деле, сильный глагол *gaibid* образует в древнеирландском *s*-претерит. В основе этого лежат причины морфонологического характера. В соответствии с законами

кельтской исторической фонологии развитие сигматического аориста **gab-s-t* неминуемо дало бы аномальную форму **gax(s)t*, поскольку недентальный смычный перед *s*, *t* в кельтском ослабляется во фрикативный *x*, ср. др.-ирл. *secht* “семь” < **sept-ŋ̊* [McCone 1991: 109; 1996: 44]. Поэтому в языке конструируется новый, морфологически ясно членимый претерит путем присоединения продуктивного суффикса *-Vss-* к презентной основе: **gab-Vss-i* > *gabais*.

Вернемся теперь к галльскому глаголу. Поскольку ослабление смычных в указанной позиции является общекельтским феноменом, и комбинация *-bs-* не могла сохраниться, ясно, что в галльском имеет место практически та же замена суффикса с целью сохранения фонетического облика основы, что и в древнеирландском. Различие заключается в том, что, видимо, континентальный *s*-претерит имеет тенденцию к присоединению еще одного форманта – загадочного *-it-*. На данный момент нельзя с уверенностью сказать, что он собой представляет; существуют две версии. Возможно его толкование как тематического аористного окончания (с переходом *e* > *i* перед *t* в конце слова); тогда приходится предположить, что континентальные формы, восходящие к аористу, имели тенденцию к тематизации до того, как кластер *-st-* упростился в *-ss-*, что кажется не слишком вероятным [Schmidt 1986: 168]. Второй вариант кажется мне более предпочтительным – он также предполагает тематизацию, но в этом случае после упрощения кластера и, таким образом, исчезновения флексии третьего лица единственного числа эта флексия, оснащенная тематическим гласным, появляется вновь.

Наконец, формант *-u* в исходе этой сложной формы появляется как еще один маркер, на этот раз чтобы избежать омоформии претерита с конъюнктивом: **gab-ie-se-ti* > **gab-i-se-t(i)* > **gabisit*. В итоге получается четырехсложная конструкция, где первый ударный слог подвергается характерной для кельтских языков синкопе: **gabVsetu* > *gabsitu*.

Еще один пример *s*-претерита с присоединенным к нему тематическим окончанием – это форма *legasit* (Серокур-Бурж [Lambert 1994: 63; Schmidt 1986: 168]. Эта глагольная основа, восходящая к корню **leg^h-* “класть”, ср. др.-ирл. *laigid*, была истолкована К.Х. Шмидтом как фактив, что объясняет наличие в ней суффикса *-ā-*. Существование *s*-претерита от заведомо слабой основы доказывает, что этот тип претерита был продуктивен как в островных, так и в континентальных языках. Более того, отметим, что *s*-претериты появляются в корпусе галло-латинских надписей, то есть их фиксация относится к более позднему хронологическому срезу, чем фиксация рассмотренных выше дентальных претеритов, найденных в лепонтийских, галло-этрусских и галло-греческих памятниках. Это означает не только существование двух способов образования слабого претерита в галльском, но и, возможно, вытеснение с течением времени специфического галло-лепонтийского образования новой обще “галло-островной” конструкцией.

На эту тенденцию косвенным образом указывает следующий пример *s*-претерита в галльском – форма *prinas* (Ля Грофенеск) [Lambert 1994: 63]. В отличие от вышерассмотренных форм, у этой отсутствует дополнительная флексия, и она выглядит замечательно похожей на древнеирландские *s*-претериты. В ней ясно видна основа назального презенса **k^hri-ne-h₂-*, ср. др.-ирл. *crenaid* “покупает”, от и.-е. корня **k^hreih₂-* [LIV: 354–355]. Интересен также тот факт, что если древнеирландский сильный глагол сохраняет индоевропейский перфект в качестве претерита (претерит *cúir* < **kēr* < **ke^hre* ~ **kekrō* < **k^he-k^hróih₂-e* [McCone 1994: 167]), то его галльское соответствие образует претерит по слабому типу. Значит ли это, что в галльском категория назального презенса была утрачена и они адаптировались к слабому типу спряжения? К сожалению, у нас слишком мало сведений о назальном презенсе в континентальных кельтских языках вообще, чтобы выносить какое-либо суждение на этот счет.

Последняя форма, которую можно отнести к числу галльских *s*-претеритов – это форма *readdas* (Аржантон-на-Крез) [RIG: L–78; Schumacher 2004: 727–728]. В ней выделяются следующие компоненты: перфективный преверб *ro-*, преверб *ad-* “к” и глаголь-

ный корень **dā-* < **deh₃-* “давать” (см. выше о *TeTu* etc.). Обращает на себя внимание полное соответствие этого компаунда древнеирландскому супплетивному перфекту от *do-beir* “приносит” – *do-rat* “принес, дал” < **to + ro-ad-dā*. Однако если за древнеирландской формой закреплено перфектное значение, то, очевидно, галльская основа является презентной; более того, слабой – и поэтому, так же, как и *prinas*, образует претерит с помощью суффикса *-s-*.

Следующий тип образования претерита – также имеющий соответствие в древнеирландском – это *t*-претерит. Мы имеем только один настоящий пример подобного образования, но он достаточно весом. Это форма *toberte* с таблички из Лезу, которая, как мы видим, богата интересными морфологическими конструкциями. Она непосредственно соотносится, конечно, с древнеирландским претеритом (*do*)-*bert* от глагола *do-beir* “приносит”, и соответственно, восходит к индоевропейскому сигматическому аористу **b^her-s-t* [Meid 1963: 84; Eska 1990a: 87–88]. Окончание *-e*, по-видимому, играет ту же роль, что и *-i* в случае выше рассмотренного *gabxsitu*, то есть нового показателя третьего лица единственного числа для несигматических претеритальных форм. Как указывалось раньше, диалектная дистрибуция того или иного окончания в галльском не совсем ясна, но можно отметить, что за исключением морфологически темной формы *ieurgi* окончание *-i* имеет тенденцию встречаться в слабых претеритах, а *-e* (напомним, унаследованное от перфекта) – в сильных.

Наконец, последняя форма, которую мы рассмотрим в данной статье, также, по сути является *t*-претеритом, но при этом гибридным. Форма *siöxti* (Ла Грофенеск) на первый взгляд очень напоминает др.-ирл. *siächt*, форму претерита от глагола *saigid* “ищет, следует”; в его основе лежит корень **seh₂g-* [LIV: 471]. Древнеирландский претерит в свою очередь является единственным случаем гибридного *t*-претерита в этом языке; он происходит от основы перфекта **se-soh₂g-e* vs. **se-sh₂g-*, к которой на морфологически темной стадии **si-a_ue* присоединяется суффикс *t*-претерита. Дж. Эска полагает, что в данном случае речь идет о генерализации слабой основы с кратким гласным *-a-*, получающимся в результате прояснения ларингала [Eska 1994: 207]. Это вполне вероятно с учетом того, что лениция и последующее выпадение интервокального *-s-* происходило уже на уровне галльского. Ср. *SVOIREBE* “сестрам” [RIG L-6] < **suisoribis* ~ **suisribis* < **suesr^hb^his* (Instr. Pl.).

Однако даже если в основе нашей формы лежит сильная основа, это по существу не меняет дела. В самом деле, развитие сильной основы **sesāy-* + *-t-* на первый взгляд дает **siächt*, но дело в том, что в позиции зияния долгота гласного элиминируется, что можно наблюдать, например, в глаголах с хиатусом в презенсе.

В любом случае, несмотря на внешнее сходство, галльская и древнеирландская формы не имеют между собой ничего общего, на что указывает и формант *-o-* в континентальной форме, никак не объяснимый с точки зрения корня **seh₂g-*, и смысл самой надписи:

sioxt=i Albanos pannas extra tuθon ccc

...Альбанос помимо (общего) числа 300 сосудов.

Альбанос, о котором идет речь, – это гончар, который, как следует из другой части надписи, уже произвел 1300 сосудов, так что значение “искать” для глагольной формы, как кажется, совсем не подходит; см. [Marichal 1988: 186].

Вокализм галльской формы указывает на то, что мы имеем дело с трифонемным корнем типа **seK-*, где *K* – любой недентальный смычный. Дж. Эска [Eska 1994: 208]; ср. [Schumacher 2004: 745–747] предложил идентифицировать этот корень как **seg-* “присоединять, касаться” [LIV: 468], ср. санскр. *sājati* “закрепляет, присоединяет”. Действительно, развитие перфектной основы представляется безупречным – **se-sog-e* > **sioyē*; как в древнеирландском, поскольку получающаяся форма не несет выраженного претеритального маркера, она им оснащается. В свою очередь, так как глагольные основы на *y/x* образуют *t*-претерит, именно этот формант присоединяется к основе и в данном слу-

чае. Таким образом, общий смысл надписи примерно таков: “Альбанос добавил еще 300 сосудов к общему числу”.

Итак, подведем итоги. В галло-лепонтийском ареале в общей сложности имеются следующие способы образования форм претерита:

- 1) редулицирующий, восходящий к индоевропейскому перфекту, для сильных глагольных основ;
- 2) t-претерит, восходящий к сигматическому аористу, для сильных основ; также способен образовывать гибрид с редулицирующим типом;
- 3) s-претерит, также восходящий к сигматическому аористу и, видимо, продуктивный как для сильных, так и для слабых основ; способен присоединять дополнительные флексии.

Эти типы претерита практически точно соответствуют древнеирландским. В дополнение к ним имеется

- 4) слабый дентальный претерит, существующий как самостоятельно, так и создающий гибриды с другими типами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- D'Arbois de Jubainville 1903 – *H. D'Arbois de Jubainville. Eléments de la grammaire celtique. Déclinaison, conjugaison.* Paris, 1903.
- de Hoz 1995 – *J. de Hoz. Is -s the mark of the plural of the preterite if the Gaulish verb?* // J.F. Eska, R.G. Gruffydd, N. Jacobs (eds.). *Hispano-Gallo-Britonica. Essays in honour of Professor D. Ellis Evans on the occasion of his sixty-fifth birthday.* Cardiff, 1995.
- EIV 1997 – *K. McCone. The early Irish verb.* Maynooth, 1997.
- Eska 1990a – *J.F. Eska. Some proleptic pronouns in Gaulish* // A.T.E. Matonis, D.F. Melia (eds.). *Celtic language. Celtic culture: A Festschrift for Eric P. Hamp.* California, 1990.
- Eska 1990b – *J.F. Eska. The so-called weak or dental preterite in Continental Celtic, Watkins' Law and related matters* // HS (KZ). 1990. № 103.
- Eska 1994 – *J.F. Eska. More on Gaulish siöxt=i* // ÉC. 1994. № 30.
- Eska 1998 – *J.F. Eska. PIE *p/ > Ø in proto-Celtic* // MSS. 1998. № 58.
- Eska, Weiss 1996 – *J.F. Eska, M. Weiss. Segmenting Gaul. tomedeclai* // SC. 1996. № 30.
- Fleuriout 1986 – *L. Fleuriout. Inscription gauloise sur plomb provenant de Lezoux* // ÉC. 1986. № 23.
- GOI – *R. Thurneysen. A grammar of Old Irish. Revised and enlarged edition.* Dublin, 1946.
- Kümmel 2000 – *M. Kümmel. Das Perfekt in Indoiranischen. Eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbte Kategorie des Verbums und ihrer Weiterentwicklung in den altindoiranischen Sprachen.* Wiesbaden, 2000.
- Lambert 1994 – *P.-Y. Lambert. La langue gauloise.* Paris, 1994.
- Lejeune 1970 – *M. Lejeune. Documents gaulois et para-gaulois de Cisalpine* // ÉC. 1970. № 12.
- Lejeune 1971 – *M. Lejeune. Lepontica.* Paris, 1971.
- Lejeune 1994 – *M. Lejeune. Notes d'étymologie gauloise XII Un verbe de dédicace εἰωπαῖ?* // EC. 1994. № 30.
- LIV – *H. Rix, M. Kümmel, T. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen.* Wiesbaden, 2001.
- Lühr 1984 – *R. Lühr. Reste der athematischen Konjugation in den germanischen Sprachen* // J. Untermann, B. Brogyanyi (eds.). *Das Germanische und die Rekonstruktion der indogermanischen Grundsprache. Akten des Freiburger Kolloquiums der indogermanischen Gesellschaft (Freiburg, 26–27 Februar 1981).* Amsterdam, 1984.
- Marichal 1988 – *R. Marichal. Les graffites de La Graufenesque.* Paris, 1988.
- McCone 1991 – *K. McCone. The Indo-European origins of the Old Irish nasal presents, subjunctives and futures.* Innsbruck, 1991.
- McCone 1994 – *K. McCone. An tSean-Ghaeilge agus a réamhstair* // K.R. McCon, D. McManus (eds.). *Stair na Gaeilge in ómós do Phádraig Ó Fiannachta.* Maynooth, 1994.
- McCone 1996 – *K. McCone. Towards a relative chronology of ancient and medieval Celtic sound change.* Maynooth, 1996.
- Meid 1963 – *W. Meid. Die indogermanischen Grundlagen der altirischen absoluten und konjuknten Verbalflexion.* Wiesbaden, 1963.

- Meid 1964 – *W. Meid*. Gaulish inscriptions. Their interpretation in the light of archaeological evidence and their value as a source of linguistic and sociological information. Budapest, 1994.
- RIG – *M. Lejeune*. Recueil des inscriptions gauloises. V. I: Textes gallo-grecs. Paris, 1985; 1988; V. II.1: Textes gallo-étrusques; Textes gallo-latins sur Pierre. Paris, 1988. *P.-Y. Lambert*. V. II.2: Textes gallo-latins sur instrumentum. Paris, 2002; *P.-M. Duval, G. Pinau*. V. III: Les calendriers (Coligny, Villards d'Héria). Paris, 1986; *J.-B. Colbert de Beaulieu, B. Fischer*. V. IV: Les légendes monétaires. Paris, 1998.
- Schmidt 1986 – *K.H. Schmidt*. Zur Rekonstruktion des Keltischen. Festlandkeltisches und inselkeltisches Verbum // ZCP. 1986. № 41.
- Schumacher 2004 – *S. Schumacher*. Die keltischen Primärverben. Ein vergleichendes, etymologisches und morphologisches Lexicon. Innsbruck, 2004.
- Uhlich 1999 – *J. Uhlich*. Zum sprachlichen Einordnung des Lepontischen // S. Zimmer, R. Ködderitzsch, A. Wigger (eds.). Akten des zweiten deutschen Keltologensymposiums (Bonn, 2–4 April 1997). Tübingen, 1999.
- Watkins 1962 – *C. Watkins*. The Indo-European origins of the Celtic verb I. The sigmatic aorist. Dublin, 1962.
- Watkins 1969 – *C. Watkins*. Indogermanische Grammatik III: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.